

по делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н.Елисеева

Постановление · № 10-П · от 10.03.2022 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н.Елисеева

город Санкт-Петербург 10 марта 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.Г.Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47 1 , 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" ,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации .

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.Н.Елисеева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В.Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации устанавливает, что в случае отмены в кассационном или надзорном порядке решений суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим, в частности, из трудовых отношений, поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

1.1. Судебными приказами мирового судьи судебного участка № 2 Северодвинского судебного района Архангельской области от 28 декабря 2015 года, от 15 марта 2016 года и от 4 июля 2016 года в пользу гражданина И.Н.Елисеева с общества с ограниченной ответственностью "Стройсервис" (далее - Общество) взыскана задолженность по заработной плате за следующие периоды: с июля по ноябрь 2015 года - 400 026 руб., с декабря 2015 года по февраль 2016 года - 240 015,15 руб., с марта по май 2016 года - 240 016 руб. Деньги были уплачены заявителю.

Впоследствии Общество признано банкротом с открытием конкурсного производства, в рамках которого определением Арбитражного суда Архангельской области от 24 мая 2017 года трудовой договор между ним и И.Н.Елисеевым признан недействительным на основании положений Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", согласно статье 61 2 которого сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия

заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка) (пункт 1). Приведенное правило распространяется, в частности, и на оспаривание действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с трудовым законодательством (соглашений или приказов об увеличении размера заработной платы, о выплате премий или об осуществлении иных выплат в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации), и на оспаривание самих таких выплат (пункт 3 статьи 61 1 названного Федерального закона).

Определениями от 22 ноября 2017 года мировой судья, сославшись на пункт 2 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации , удовлетворил заявления Общества об отмене судебных приказов по новым обстоятельствам, а именно ввиду признания вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда недействительной сделки, повлекшей принятие по делу незаконного или необоснованного судебного постановления. Учитывая, что недействительным признан трудовой договор, мировой судья применил указанное основание отмены судебных приказов по аналогии закона со ссылкой на часть четвертую статьи 1 ГПК Российской Федерации . Определениями, датированными тем же числом, мировой судья отказал И.Н.Елисееву в принятии заявлений о вынесении новых судебных приказов ввиду наличия спора о праве, разъяснив ему право на обращение в суд в исковом порядке.

Названное определение Арбитражного суда Архангельской области от 24 мая 2017 года (о недействительности трудового договора) и оставившее его без изменения постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда отменены в кассационном порядке, а дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, который снова признал недействительным трудовой договор между И.Н.Елисеевым и Обществом (определение от 18 апреля 2018 года), а суд апелляционной инстанции оставил это решение без изменения. Постановлением от 13 декабря 2018 года Арбитражный суд Северо-Западного округа изменил судебные акты первой и апелляционной инстанций, признав недействительными как трудовой договор в части установления заработной платы в размере, превышающем 15 000 руб. в месяц, так и действия Общества по начислению заявителю заработной платы свыше этой величины.

В свою очередь, Архангельский областной суд, отменяя апелляционным определением от 21 января 2019 года решение суда первой инстанции, частично удовлетворил требования И.Н.Елисеева к Обществу о взыскании задолженности по заработной плате с июля 2015 года по май 2016 года в сумме 165 000 руб., которая была исчислена исходя из размера 15 000 руб. в месяц.

Далее Общество обратилось к мировому судье с заявлениями о повороте исполнения судебных приказов от 28 декабря 2015 года, от 15 марта 2016 года и от 4 июля 2016 года в связи с их отменой и о возврате взысканных денежных сумм, в чем ему было отказано определениями от 24 октября 2019 года, от 11 ноября 2019 года и от 14 ноября 2019 года. Мировой судья не нашел доказательств тому, что судебные приказы основаны на ложных сведениях, которые сообщил бы И.Н.Елисеев, или на представленных им подложных документах, и притом заметил, что трудовой договор, положенный в основу судебных приказов, не может быть мнимой сделкой, поскольку выполнение заявителем трудовых обязанностей установлено Арбитражным судом Северо-Западного округа.

Эти определения мирового судьи, однако, отменены апелляционными определениями Северодвинского городского суда Архангельской области от 10 февраля 2020 года, от 14 февраля 2020 года и от 17 февраля 2020 года, которые оставил без изменения Третий кассационный суд общей юрисдикции (определения от 14 июля 2020 года и от 21 июля 2020 года). Удовлетворено и требование о повороте исполнения судебных приказов, а с И.Н.Елисеева взысканы уплаченные на их

основании суммы за вычетом сумм заработной платы, исчисленной из размера 15 000 руб. в месяц, и компенсации за неиспользованный отпуск. Суды исходили из того, что отмена судебных приказов состоялась не в кассационном или надзорном порядке, а при их пересмотре по новым обстоятельствам ввиду признания вступившим в законную силу судебным постановлением недействительной сделки, повлекшей принятие незаконного или необоснованного судебного постановления по делу, и что это не позволяет применить ограничения поворота исполнения судебных решений о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, поскольку такие ограничения абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации предусматривает для кассационного и надзорного производств.

1.2. По мнению И.Н.Елисеева, оспариваемое законоположение противоречит статьям 1 (часть 1), 7 (часть 1), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 39 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно допускает поворот исполнения решения суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в случае отмены вступившего в законную силу судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Таким образом, исходя из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации постольку, поскольку на его основании решается вопрос о повороте исполнения вступившего в законную силу судебного акта по делу о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, при отмене этого акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

2. Конституция Российской Федерации, признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), не подлежащую ограничению (статья 56, часть 3). Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), гарантирующими равенство всех перед законом и судом и принцип состязательности судопроизводства при равноправии сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П, от 8 июня 2015 года № 14-П и др.).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, определяя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок, в том числе по рассмотрении дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевое законодательство может признавать окончательным в том смысле, что в обычной процедуре оно не подлежит изменению (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и др.; определения от 4 декабря 2007 года № 962-О-О, от 28 июня 2012 года № 1248-О и др.). Исходя из того, что в рамках судебной защиты прав и свобод допустимо обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых органов государственной власти, включая судебные, отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт противоречило бы универсальным во всех видах судопроизводства требованиям эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляло бы и ограничивало право на судебную защиту. Поэтому законодатель, устанавливая порядок осуществления правосудия, обязан предусмотреть механизм исправления таких ошибок. Вместе с тем институциональные и процедурные условия пересмотра судебных актов должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать

затягивание или беспочвенное возобновление судебного разбирательства, обеспечивать справедливость судебного решения и одновременно правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (постановления от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2- П и др.).

2.1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает как проверку судебных решений, не вступивших в законную силу, в суде апелляционной инстанции (глава 39), так и производство в отношении судебных решений, вступивших в законную силу, в судах кассационной и надзорной инстанций, а также их пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (главы 41, 41.1 и 42). Исходя из конституционной природы правосудия и фундаментального права каждого на судебную защиту, суд, установив основания к отмене или изменению проверяемого судебного постановления (статьи 330, 379.7, 390.14, 391.9 и 392 этого Кодекса), обязан, реализуя свои полномочия, отменить или изменить его, следуя задачам гражданского судопроизводства, в которые входит правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских и иных правоотношений (статья 2 этого Кодекса).

При этом предметом проверки выступают и судебные постановления, уже исполненные должником добровольно либо уполномоченным на то органом - принудительно, причем органы принудительного исполнения не вправе оспорить судебное постановление, на основании которого выдан поступивший к ним исполнительный документ. Тем самым не исключается вероятность исполнения судебного постановления, вынесенного с нарушением норм права, а значит, подлежащего отмене.

Отмена же исполненного судебного постановления о взыскании, в частности, денежных средств означает отпадение правомерного основания приобретения такого имущества, вследствие чего оно считается, как правило, неосновательно приобретенным. Восстановление прав ответчика в этих случаях возможно путем возвращения ему того, что с него взыскано в пользу истца, т.е. посредством поворота исполнения отмененного решения суда. Правомочие произвести поворот исполнения и порядок его реализации закреплены статьями 443, 444 и 445 ГПК Российской Федерации, что, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, направлено на установление дополнительных гарантий защиты прав стороны по делу, потерпевшей от предъявления к ней необоснованного требования, и само по себе не может считаться нарушающим конституционные права и свободы (определения от 19 декабря 2017 года № 3024-О, от 24 апреля 2018 года № 1056-О и др.).

2.2. В частности, согласно статье 445 ГПК Российской Федерации суд, рассматривающий дело в апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, если он своим решением, определением или постановлением окончательно разрешает спор, либо прекращает производство по делу, либо оставляет заявление без рассмотрения, обязан разрешить вопрос о повороте исполнения решения суда или передать дело на разрешение суда первой инстанции (часть первая); если в решении, определении или постановлении вышестоящего суда нет никаких указаний на поворот исполнения решения суда, ответчик вправе подать соответствующее заявление в суд первой инстанции (часть вторая). В то же время часть третья названной статьи предусматривает, что в случае отмены в суде апелляционной инстанции решения суда по делу о взыскании алиментов поворот исполнения решения суда допускается, только если отмененное решение было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах; в случае отмены в кассационном или надзорном порядке решений суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на произведения науки, литературы и искусства, исполнения, открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья либо смертью кормильца, поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или

представленных им подложных документах.

Из приведенных законоположений следует, в частности, что институт поворота исполнения решения суда может быть применен не ко всем вступившим в законную силу судебным решениям, отмененным вышестоящими судами. Так, поворот исполнения решения суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, допускается только в случаях, когда отмененное решение принято вследствие действий самого истца, прямо указанных в части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации .

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 ноября 2018 года № 40-П отметил, что нормативное регулирование, исключаящее такой поворот исполнения, когда на лицо, будь он произведен, возлагалось бы обременение вопреки положению этого лица как более слабой стороны в правоотношении или же как находящегося, исходя из характера спора, в тяжелой жизненной ситуации, не предопределено Конституцией Российской Федерации непосредственно. Оно, однако, отражает гуманистические начала российского законодательства и согласуется с обязанностью законодателя при выборе процедур судопроизводства - включая восстановление прав ответчика, нарушенных взысканием денежных сумм на основании ошибочного судебного решения, впоследствии отмененного вышестоящим судом, - непротиворечиво регламентировать отношения в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип равенства путем приоритетной защиты прав лишь одной из сторон судопроизводства.

Обращаясь ранее к взаимосвязанным положениям абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации и статьи 397 Трудового кодекса Российской Федерации , допускающей обратное взыскание с работника сумм, выплаченных ему в соответствии с решением органа по рассмотрению индивидуального трудового спора, при отмене решения в порядке надзора только в тех случаях, когда отмененное решение было основано на сообщенных работником ложных сведениях или представленных им подложных документах, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что ограничение обратного взыскания с работника является одной из гарантий защиты его трудовых прав и преследует цель соблюсти баланс прав и интересов работодателя и работника, не имеющего, как правило, иных источников дохода, кроме заработной платы и выплат, возмещающих ее утрату. В этой связи, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 16 декабря 2010 года № 1650-О-О, само по себе закрепление процессуальных гарантий защиты трудовых прав работников, добросовестно участвующих в судебном разбирательстве индивидуального трудового спора, направлено на обеспечение реализации конституционного права работников (как более слабой стороны трудового договора) на судебную защиту и согласуется с положением статьи 1 Трудового кодекса Российской Федерации , предусматривающим в качестве цели трудового законодательства установление государственных гарантий трудовых прав работников. Соответственно, законодательное регулирование, исключаящее при определенных условиях поворот исполнения решения суда, отмененного в кассационном или надзорном порядке, как таковое не содержит признаков неконституционности, поскольку предполагает предоставление дополнительных гарантий лицам, нуждающимся в особой защите вследствие специфики правоотношений с их участием.

Вместе с тем предоставление гарантий такого рода должно осуществляться с соблюдением принципов равенства и справедливости, которые имеют универсальный характер, оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступают конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, прямо закрепленных в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых гражданами на основании закона (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П , от 16 июля 2007 года № 12-П , от 27 ноября 2009 года № 18-П , от 3 февраля 2010 года № 3-П и др.). Любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового

регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, включая ее статьи 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), и быть основана на объективных критериях, определяемых исходя из преследуемой при этом цели, т.е. сами критерии и правовые последствия дифференциации должны быть в существе своем взаимообусловлены (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 декабря 2011 года № 28-П и др.).

3. Исключая поворот исполнения решения суда в случае отмены в кассационном или надзорном порядке решений суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, если отмененное решение не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах, абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации не содержит аналогичной гарантии для случаев, когда судебный акт по делу о взыскании соответствующих сумм отменяется в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Между тем при пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судом, его принявшим, по правилам главы 42 ГПК Российской Федерации при наличии перечисленных в статье 392 этого Кодекса оснований суд - в отличие от иных предусмотренных законом проверочных судебных процедур - не исправляет допущенные нижестоящим судом ошибки в применении норм права к конкретным правоотношениям или в установлении фактических обстоятельств дела, которые повлияли на мнение суда о правомерности заявленных исковых требований, а учитывает наличие вновь открывшихся, существовавших на момент принятия судебного постановления и неизвестных сторонам и суду существенных для дела обстоятельств или новых обстоятельств, возникших после принятия судебного постановления и имеющих существенное значение для правильного разрешения дела. Как отмечал уже Конституционный Суд Российской Федерации, наличие указанных обстоятельств и необходимость в этой связи пересмотреть состоявшееся судебное постановление сами по себе не влияют на правомерность выводов суда относительно обоснованности правовых притязаний истца к ответчику (Определение от 22 апреля 2014 года № 807-О). Удовлетворение заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам и, соответственно, его отмена сами по себе не определяют итоговое решение суда по делу. Отмена судебного постановления по новым обстоятельствам не свидетельствует как таковая и о том, что оно было основано на ложных сведениях, сообщенных истцом, или на представленных им подложных документах.

3.1. Последствия поворота исполнения судебного акта, вынесенного по требованиям гражданина, вытекающим из трудовых отношений, не могут ложиться во всей полноте на него как на лицо, получившее денежные средства, в частности, в качестве заработной платы, если судебный акт, отмененный по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, не был основан на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах. Это соотносится в том числе с подпунктом 3 статьи 1109 ГК Российской Федерации, согласно которому не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки. В определении обязательств из неосновательного обогащения указанное законоположение имеет значение гарантии защиты прав граждан, для которых заработная плата и сопоставимые с ней платежи образуют основной источник средств к существованию (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2021 года № 8-П).

Однако по буквальному смыслу абзаца второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации он не применяется к случаям отмены судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Это дает судам возможность отклонять доводы о недопустимости обратного

взыскания денежных сумм, полученных гражданином на основании судебного постановления по требованию, вытекающему из трудовых отношений, ссылаясь на то, что отмена судебного постановления состоялась в ином, нежели установлено законодателем, порядке, причем безотносительно к наличию доказательств, подтверждающих добросовестность истца (отсутствие сообщенных им ложных сведений или представленных им подложных документов), а также оценке обстоятельств, повлекших отмену вступившего в законную силу судебного постановления. Обращаясь ранее к правилам поворота исполнения судебного постановления о присуждении сумм компенсации расходов на оплату юридической помощи адвоката при возмещении реабилитированному лицу причиненного ему имущественного вреда, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 сентября 2021 года № 41-П констатировал признаки конституционно значимого пробела в оспариваемых по делу законоположениях, поскольку в системе действующего регулирования они представляют собой единственный возможный ограничитель ухудшения правового и фактического положения лица в соответствующих правоотношениях и притом не препятствуют возложению на лицо обязанности возвратить излишне полученное, что противоречит ряду гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Оспариваемый по настоящему делу абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации - с учетом его места в системе действующего правового регулирования - также должен содержать правила, ограничивающие поворот исполнения решения суда, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Поэтому само отсутствие этих правил свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в правовом регулировании, вступающего в противоречие в том числе с конституционными гарантиями права на вознаграждение за труд, и тем самым порождает нарушение Конституции Российской Федерации, ее статей 19 (части 1 и 2), 37 (часть 3), 46 (часть 1) и 75 1.

3.2. Предусмотренная оспариваемой по настоящему делу нормой процессуальная гарантия защиты прав и законных интересов работника как слабой стороны трудового договора основана на специфике трудовых отношений, которые характеризуются экономическим и организационным неравенством сторон, подчинением работника распорядительной и дисциплинарной власти работодателя. Из этого вытекает необходимость в ходе судебного разбирательства удостовериться в возникновении (наличии) таких отношений между сторонами спора. При этом применительно к оценке допустимости жалобы о проверке конституционности положений в том числе Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" о признании сделок должника недействительными Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 30 сентября 2021 года № 2117-О указал, что оценка их возникновения (наличия) должна производиться на основе положений трудового законодательства.

В то же время отсутствие возможности предотвратить недобросовестные действия и восстановить разумный баланс интересов участников правоотношений в случаях, когда взыскание денежных средств осуществляется под видом заработной платы или иных выплат, вытекающих из трудовых отношений, при фактическом отсутствии последних, влекло бы необоснованное создание преимуществ для лиц, злоупотребляющих правом, нарушало бы права и законные интересы других лиц. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 14 декабря 2021 года № 2644-О, с учетом положений Конституции Российской Федерации, ее статьи 15 (часть 2) об обязанности всех соблюдать закон и статьи 17 (часть 3) о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц, не могут пользоваться защитой закона и суда денежные притязания, которые - вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом - основаны на недобросовестном использовании возможностей, предоставленных действующим регулированием; иное вынуждало бы суд присуждать выплаты по такого рода требованиям и тем самым предоставлять им защиту - вопреки назначению правового государства и правосудия, которое определяется Конституцией

Российской Федерации, в частности ее статьями 1 (часть 1), 18, 45, 46 (части 1 и 2) и 118 (часть 1). Эта позиция применима и к определению правил поворота исполнения решения суда.

Предусмотренная законодательством гарантия в виде запрета поворота исполнения вступившего в законную силу решения суда не может, в силу указанных конституционных положений, распространяться на случаи взыскания денежных средств, право на получение которых основано на недобросовестном использовании юридических возможностей, выразившемся в применении правовых форм, установленных для трудовых отношений, при фактическом отсутствии таковых.

4. Таким образом, абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 3), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 75 1, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эта норма допускает поворот исполнения вступившего в законную силу решения суда, принятого по делу о взыскании работником (бывшим работником) денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в случае его пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, притом что само наличие трудовых отношений не было опровергнуто в судебном порядке, а отмененное решение суда не было основано на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах.

В соответствии со статьей 80 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" вынесение по настоящему делу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации обязывает федерального законодателя внести в правовое регулирование изменения, следуя правовым позициям, высказанным в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47 1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 3), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 75 1, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эта норма допускает поворот исполнения вступившего в законную силу решения суда, принятого по делу о взыскании работником (бывшим работником) денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в случае его пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, притом что само наличие трудовых отношений не было опровергнуто в судебном порядке, а отмененное решение суда не было основано на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах.

2. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в гражданское процессуальное законодательство изменений, вытекающих из настоящего Постановления, абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации подлежит применению с распространением установленных им правил на случаи пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, если само их наличие не было опровергнуто в судебном порядке, а отмененное решение суда не было основано на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах.

3. Судебные постановления, вынесенные по делу с участием гражданина Елисеева Игоря Николаевича на основании абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, подлежат пересмотру, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 10-П